

Хоу-ши теперь лютой ненавистью ненавидела наследного принца и наследную принцессу, но когда она закончила свое заточение и снова увидела наследную принцессу, она все еще была добродетельной и внимательной Шэн Цзюнь ванфэй. Даже при том, что ее лицо было слегка бледным, когда кто-то видел ее улыбку, никто и не подумал бы, что она по-прежнему остро переживает свое горе.

В день праздника Двойной Девятки [1] многие отправлялись в горы, чтобы посмотреть на достопримечательности. Для того, чтобы показать свое доброжелательное отношение, император Цилун лично отправился в поездку вместе с императрицей в храм в пригороде Цзин, чтобы помолиться о здоровье вдовствующей императрицы. В их процессии были также младшие члены клана Янь, так как молитва за вдовствующую императрицу показала бы сыновнюю почтительность и с их стороны.

Когда они добрались до монастыря Трех Чистейших [2], женщины сошли в соответствии с их рангом. Хуа Си Ван была Цинь ванфэй, поэтому она была в рядах династии Цинь ванфэй. Вскоре после того, как она вышла, она увидела Хоу-ши и других женщин, разговаривающих вместе.

Спустя почти месяц Хоу-ши похудела, но ее глаза были исключительно внимательными, и на эти черные блестящие зрачки было страшно смотреть.

Это заставило Хуа Си Ван вспомнить слухи, которые распространились несколько дней назад, что на Хоу-ши повлиял выкидыш, и ей будет очень трудно забеременеть в будущем. Этот слух не был ничем подтвержден, но если он был правдой, то для Хоу-ши это станет настоящим бедствием.

Как законная жена, если она не сможет забеременеть, то у нее будет только два варианта. Во-первых, она может усыновить ребенка из своего клана, но императору и ее мужу придется согласиться на это. Другой способ состоял в том, чтобы наложница ее мужа забеременела, родила, а потом нужно было заставить ее исчезнуть, оставив ребенка на воспитание как своего собственного.

Но всё тайное становится явным в этом мире. Кто может гарантировать, что этот ребенок, которого она вырастила, не узнает, что его родная мать была убита приемной матерью? Даже если сейчас она не могла забеременеть, какая женщина не хотела бы иметь собственного ребенка вместо того, чтобы растить ребенка своего мужа и другой женщины?

Когда Хуа Си Ван подумала об этом, ее брови нахмурились, и она отвела взгляд от Хоу-ши. Повернувшись, она пошла вместе с Шицзы Фэй поместья Сюй Вана. Для нее было более уместно, чтобы ее видели на публике вместе с ней, ведь эта женщина занимала нейтральную позицию.

Нин-ши, казалось, знала, что задумала Хуа Си Ван, но не отказала ей в своем обществе. Она даже выразила близость: «Цвет лица ванфэй, кажется, стал лучше».

- Неужели? - Хуа Си Ван потерла лицо и сказала с легким смешком: - Может быть, это потому, что я только и делаю, что ем и пью, и слишком ленива?

Нин-ши, услышав это, улыбнулась вместе с ней. Внутри она почувствовала некоторое восхищение. Она была Шицзы Фэй поместья Сюй Вана, но над ней все еще довлел авторитет свекрови, и у нее не было сына. Она должна была быть очень осторожной и не смела быть беспечной. Она даже не осмеливалась думать о том, чтобы жить, как Сянь Ванфэй.

- Это большая удача - от души есть и пить. - Нин-ши повернулась, чтобы посмотреть на Хоу-ши, стоявшую рядом, и сказала с жалостью: - Если кто-то не может этого сделать, то это тяжелый труд.

Зная, что та испытывает симпатию к Хоу-ши, Хуа Си Ван вздохнула.

- Женщинам никогда не бывает легко.

Нин-ши услышала это и сказала с улыбкой: «С чего вы это взяли? Прямо сейчас, кто в Цзине не знает, что Сянь Ван глубоко влюблен в вас, нежен и внимателен, и у него даже нет ни единой наложницы. Если даже вы чувствуете, что быть женщиной трудно, то как же приходится остальным?»

Хуа Си Ван улыбнулась и нейтрально ответила: «Возможно, вы правы».

Нин-ши на самом деле понимала, что пара Сянь, возможно, не так влюблена, как гласят слухи. Но даже если это так, что тогда? В мире было бесчисленное множество женщин, влюбленных в своих мужей, но кто из них добился ответного чувства? Если бы нашелся хоть один человек, который остался бы верен другому до конца, то это казалось бы чудом.

Женщины, которых хвалили мужчины, были добродетельны, великодушны или отдавали все свои силы ради мужчин. Мир был несправедлив, и женщинам приходилось так трудно.

При мысли об этом улыбка Нин-ши померкла. «Вы правы, - сказала она удрученно, - женщинам это дается нелегко».

Хуа Си Ван с удивлением посмотрела на Нин-ши. Нин-ши всегда казалась ей человеком немногословным и спокойным. Но женщина, которая может произнести эти слова, не должна обладать таким характером.

- Есть некоторые слова, которые я не боюсь сказать вам. - Нин-ши увидела, что Хуа Си Ван смотрит на нее, и сказала с улыбкой: - Мы все простые люди и знаем, как трудно женщинам, но мы ничего не можем изменить. Мы ничем не отличаемся от других - мы подобны пьяницам, которые думают, что они трезвые.

Услышав ее слова, Хуа Си Ван как будто осенило: «Да, чем мы отличаемся от других?» Она жила здесь уже больше десяти лет, но кроме того, что у нее остались воспоминания о прошлой жизни, что отличало ее от других благородных дам? Одежда из парчи, посуда из нефрита, множество слуг, интриги во внутренних покоях - она не испытывала недостатка ни в чем подобном. Жаль, что она прожила еще одну жизнь и не могла видеть так же ясно, как Нин-ши, женщина, которой еще не исполнилось и двадцати.

- Настанет день, когда все наладится. - Хуа Си Ван улыбнулась. - Даже если не сейчас, ничто в мире не может оставаться неизменным. - Например, десятки тысяч лет назад общество было матриархальным.

Лениво болтая, они вошли в монастырь Трех Чистейших. Внутри толпа разделилась, чтобы помолиться, мужчины впереди, а женщины - позади.

У ритуалов даосизма существовала своя структура и последовательность, и дело было не в том, чтобы просто поклониться несколько раз. Следуя за другими людьми, Хуа Си Ван выполнила весь набор церемоний. Она взяла ароматный мешочек с подноса, который держал даос. Он назывался мешком удачи, который был благословлен и, как говорили, защищал от зла и приносил удачу.

Хуа Си Ван не слишком верила в это, но всё равно держала Бай Ся за руку, пока слушала монолог старого даоса, называемого духовным учителем Глубинного Развития. Некоторое время она слушала с интересом. Хотя она чувствовала, что эти вещи немного пахивали лицемерием, некоторые слова были разумны.

Чтобы не заснуть и постоянно быть начеку, Хуа Си Ван выпила несколько чашек чая. Когда евнух пришел доложить, что они вот-вот отправятся обратно в город, она наконец перевела дух. Какое счастье, что ее судьба совсем не связана с даосизмом.

Монастырь Трех Чистейших был очень велик и, казалось, был предназначен для использования императорской семьей. Вещи внутри не казались роскошными, но несли в себе благородный и неземной дух даосизма. Хуа Си Ван восхищалась пейзажем по дороге и чувствовала, что это было немного интересно.

Когда она вышла из дверей, Хуа Си Ван по-прежнему шла рядом с Нин-ши. Поскольку впереди и позади них были люди, они не разговаривали так много, как когда вошли. Они обсуждали только то, в какой лавке продают лучшие румяна и шпильки.

Как раз в тот момент, когда женщины собирались пройти через главные ворота, из соседней кельи внезапно донесся крик. Все женщины вздрогнули и остановились.

- Что случилось? - императрица, шедшая впереди, посмотрела на дворцовую служанку, лицо которой было пепельно-серым от испуга. - Как ты можешь так паниковать на святой земле Трех Чистейших? Где твои манеры?!

Дворцовая служанка с грохотом опустилась на колени перед императрицей, вся дрожа и не в силах вымолвить ни слова.

Охранник заметил внутри что-то странное, и выхватил свое оружие, когда они проходили перед маленькой комнатой. В результате происходящее внутри настолько напугало их, что им захотелось выколоть себе глаза.

Капитан отряда сначала почувствовал безнадежность, потому что их могли убить, чтобы сохранить эту тайну. Затем он взглянул на своих товарищей, стоявших позади него, которые на протяжении многих лет преодолевали вместе с ним все трудности. Он стиснул зубы и повернулся, чтобы идти к императрице. Он говорил негромко, но его вполне могли услышать другие женщины императорского дома: «Императрица, я и другие солдаты увидели наследного принца... и Ли Мэйжэнь [3], лежащих на кушетке».

Вместо того чтобы быть убитыми императрицей, для них было лучше разоблачить это дело. Прямо сейчас здесь присутствовало так много женщин из императорского дома. Даже если императрица чувствовала недовольство, она могла только терпеть это. Убийство его одного не такое уж большое дело, но здесь было так много его братьев. У каждого из них была своя семья, рты, которые нужно было кормить, и они не могли все вместе умереть из-за глупого наследного принца.

Наследный принц и женщина императора вместе упали в обморок на кушетке? Это была святая земля даосов, и сегодня был день, когда император пришел помолиться за вдовствующую императрицу. Однако наследный принц и одна из недавно избранных супруг императора вместе валялись без сознания. Как могло случиться такое совпадение в этом мире?

Кроме того, было неясно, были ли они без сознания. Посмотрите, какое ужасное лицо было у этого солдата. Если бы они действительно были без сознания, разве у охранников было бы такое ужасное выражение лица?

Хуа Си Ван посмотрела на лицо императрицы, с которого сошла вся краска, и сочувственно вздохнула. Наследный принц был слишком глуп и продолжал рыть яму для отца и матери. Он продолжал идти по кривой дорожке, и в этом ему не было равных.

- Не говори глупостей - как наследный принц и Ли Мэйжэнь могут быть вместе? Если ты не закроешь рот, расстанешься с головой, - внезапно резко сказала Шэн Цзюнь ванфэй. - Быстро, заходи и проверь еще раз.

Сказав это, она проигнорировала уродливое выражение лица императрицы и прямо сказала: «Императрица, почему бы нам тоже не пойти посмотреть, что происходит? Может быть, здесь какое-то недоразумение?»

Императрица не могла дышать. Глядя на заботливую улыбку Хоу-ши, она хотела дать ей пощечину, но не могла этого сделать.

К счастью, принцесса Жуй Хэ среагировала быстрее всех и ответила: «Здесь должно быть какое-то недоразумение. Нехорошо нам, женщинам, ходить туда и смотреть. Почему бы нам не попросить этого капитана пойти туда и прояснить недоразумение?»

Было подчеркнуто слово «прояснить». Принцесса Жуй Хэ предупреждала капитана, чтобы тот осознал все обстоятельства. Даже если капитан был недоволен, он не мог сказать «нет». Но прежде чем он успел подойти ближе, Ли Мэйжэнь внезапно выскочила из комнаты в растрепанной одежде и тяжело ударилась о стену. С приглушенным звуком кровь забрызгала всю стену.

Стена была свежевыкрашена, чтобы приветствовать прибытие императора на молитву. Кровь Ли Мэйжэнь покрывала большую часть стены, а также испачкала ее розовое платье.

Ли Мэйжэнь не произнесла ни слова, но привлекла на свою сторону десятки тысяч слов. Ее самоубийство у стены было молчаливой жалобой, из-за которой императрица была не в состоянии замять этот вопрос.

Когда Ли Мэйжэнь упала, некоторые женщины из императорского дома закричали, а те, кто был менее отважен, даже упали в обморок.

Принцесса Жуй Хэ ощутила холод внутри. Она прислушалась к крикам, раздававшимся вокруг, и почувствовала, что на этот раз неприятности будут серьезными.

Принуждение супруги своего отца - если дело распространится под таким углом, наследному принцу... придет конец.

Хуа Си Ван посмотрела на Нин-ши, которая стояла рядом с ней и странно раскачивалась. Она закрыла глаза и тут же упала.

- Ванфэй, ванфэй! - Бай Ся протянул руку, чтобы обнять Хуа Си Ван, и в страхе воскликнула: - Ванфэй, что случилось?

Актерское мастерство Бай Ся достойно высшего балла, подумала Хуа Си Ван, когда ее поддержали служанки.

Затем она услышала взволнованные крики служанок Нин-ши.

Хорошо, что рядом с каждой хозяйкой, которая собиралась разыграть сцену, были служанки, готовые прийти им на выручку. Их профессионализм достоин похвалы.

В ее сознании кровавый цветок, распустившийся на стене, был необычайно ясен, настолько ясен, что она с закрытыми глазами могла нарисовать, как брызнула кровь.

---

[1] девятого числа девятого месяца по Лунному календарю в Китае отмечается праздник "Чуньян", праздник двойной девятки, или День пожилых людей, который является одним из древнейших традиционных национальных праздников Китая;

[2] Сань Цин («Три чистых») – божества даосского пантеона или три высших проявления Дао;

[3] 美人 (měirén) - лит. «прекрасная особа, красавица»; императорская наложница низшего ранга.

<http://tl.rulate.ru/book/5480/844290>